

В. В. ПИМЕНОВ

ПОЕЗДКА К ПРИОНЕЖСКИМ ВЕПСАМ¹

Вепсы — небольшой народ, говорящий на языке, относимом в лингвистических классификациях к западнофинской ветви финно-угорской семьи языков. В настоящее время вепсы не имеют единой этнической территории, а расселены в нескольких местах Ленинградской и Вологодской областей и Карельской АССР. На территории Карельской АССР вепсы живут по юго-западному берегу Онежского озера и составляют компактное большинство среди населения Шокшинского, Вехручейского, Шелтозерского, Матвеевсельского и Рыборецкого сельсоветов Прионежского района республики, а также в двух деревнях (Урицкая и Володарская) Подпорожского района Ленинградской области, непосредственно примыкающих к территории республики с юга.

Однако есть все основания считать, что район расселения прионежских вепсов был в прошлом значительно шире. В 70-х гг. прошлого века вепсы жили по западному побережью Онежского озера вплоть до Петрозаводска, с одной стороны, до реки Свири и вниз по ней вплоть до впадения в нее речки Ивины (исключая район Ладвы — Таржеполя) — с другой². Можно думать, судя по данным топонимики, что раньше вепсы были расселены на еще более обширной территории.

Издавна главное занятие вепсов — сельское хозяйство. Вплоть до 20-х гг. нашего столетия в земледелии вепсов господствовало трехполье: в значительной мере сохранялась и подсечная система. Каждое хозяйство располагало небольшим участком пашотной земли, выделенным ему общиной (менее 1 десятины на хозяйство), а кроме того обрабатывало лесные участки, где предварительно вырубали и выжигали лес (пáло, о́жог).

Основными культурными растениями у вепсов были следующие: пшеница (нй́жу), ячмень (о́зр), рожь (ру́гиж), овес (кагр), репа (на́гриж), очень редко просо (прос), лен (пйбу́вас).

Сельскохозяйственные орудия прионежских вепсов были вплоть до коллективизации весьма примитивны и не отличались сколько-нибудь существенно от орудий, бывших в употреблении у соседнего русского населения, это — двузубая коловая соха (адр), деревянная борона (ягез), коса-горбуша (викатех), зубчатый серп (сирп), топор (кирвез) и косарь (ка́сарь) для обработки подсеки. Как легко заметить, некоторые названия этих орудий, как и многие термины в других областях хозяйства и культуры, заимствованы из русского языка.

Кроме земледелия, большое значение имело и имеет животноводство молочно-мясного направления. Домашние животные, разводимые вепсами: корова (лехм), лошадь (хёбо), овцы (ламбхад), собака (койр); овиней (сйга) и коз (кбза) прежде совсем не держали, очень мало их и теперь. Из птиц держат только кур (ка́на); водоплавающей птицы совсем не разводят, хотя, казалось бы, наличие Онежского озера и мелких внутренних озер представляет в этом отношении большие удобства.

Известное вспомогательное значение в хозяйстве вепсов имеют соби́рание грибов и я́год — малины (ба́бари), черники (му́стыкейне), дикой смородины (се́стрикейне); охота, развитая, впрочем, довольно слабо, и рыболовство (простейшие орудия — удочка, (у́двиг), морды (ме́рдад) и пр.). В особенности большое значение имел прекращенный теперь промысел пальи́ (пальл) и ряпушки (ряпуз) в Онежском озере.

Ремёсла не получили у вепсов широкого развития: керамические изделия здесь изготовлялись в небольшом количестве, а в основном употреблялись привозные (с Андомы и из Вытегры); кузнечное дело было развито слабо. Занятие сельским хозяйством не обеспечивало семье прожиточного минимума: своего хлеба хватало на 4—5

¹ В настоящей заметке использован материал, собранный в районе расселения вепсов на территории Карельской АССР в экспедиции, проведенной под руководством автора в 1955 г. по поручению Государственного историко-краеведческого музея в г. Петрозаводске. Обследовано 28 основных населенных пунктов. Материалы экспедиции хранятся в фондах Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР.

² «Список населенных мест. Олонецкая губ. (по данным 1873 г.)», СПб., 1879, стр. L, 14 и след.

месяцев в году. Чтобы заработать деньги на уплату налогов и на покупку хлеба, который привозили торговцы в с. Вознесенье, вепсы отправлялись на заработки — отхожие промыслы (бурлакод). Не было семьи, из которой кто-нибудь не уходил бы летом на заработки. Любопытно, что у вепсов и в смежных русских районах сезон отхожих промыслов продолжался с мая до середины ноября, причем даже в сенокосную пору отходники не возвращались домой для работы в своем хозяйстве. В связи с тем, что на заработки уходили мужчины, всю крестьянскую работу выполняли в основном женщины. С течением времени у мужчин даже появилось пренебрежительное отношение к крестьянскому труду, как к женскому занятию; над теми мужчинами (очень немногими), которые не уходили «бурлачить», подтрунивали.

На отхожих промыслах вепсы работали по найму в качестве сельскохозяйственных рабочих, землекопов, печников, плотников, каменщиков, камнетесов и камнерезов. Последние три профессии можно считать особенно характерными именно для прионежских вепсов. Начиная с конца XVIII в. велись, а частью и теперь ведутся разработки некоторых пород строительного и декоративного камня на территории расселения вепсов — порфир в Шокше, диабаз в Рыбреке. Намогильные плиты (коуман кивед) на кладбище в Рыбреке, часть которых датируется серединой прошлого века, сделаны руками вепских мастеров.

Характер хозяйства после Октябрьской революции и в особенности в результате коллективизации резко изменился. Исчезли последние следы подсечного земледелия, колхозы и МТС оснащены новой современной техникой, прекратилось отходничество. Надо сказать, что во время Великой Отечественной войны вепские колхозы сильно пострадали от фашистских захватчиков. В настоящее время на территории расселения прионежских вепсов создан крупный совхоз животноводческого направления — Шелтозерский, в котором работает большинство вепсов, занятых в сельском хозяйстве.

* * *

Трудно пока наверняка сказать, когда у вепсов родовой строй сменился феодальным. Можно лишь, судя по некоторым данным, высказать предположение, что этот процесс проходил в течение первой половины II тысячелетия н. э. Об этом, в частности, свидетельствуют легенды вепсов, одна из которых особенно интересна и связана с названиями двух населенных пунктов — Гимреки (на берегу Онежского озера) и Гакручя (на р. Свири). Легенда рассказывает о двух братьях — Гиме и Гаке, которые в незапамятные времена поселились со своими родичами первоначально на том месте, где теперь находится деревня Гимрека, и занимались рыболовством и охотой. Постепенно им стало тесно жить в одном месте, и младший — Гак вместе со своими родичами ушел от брата в другое место, где и основал поселение, которое и по сей день называется по его имени — Гакручей. Едва ли можно сомневаться в том, что эта легенда является реминисценцией весьма далекого времени, когда вепсы не знали еще земледелия и скотоводства, а занимались охотой, рыболовством и собирательством. Интересно отметить, что деревня Гимрека теперь заселена почти исключительно русскими (вепсов в ней всего несколько человек), а Гакручей — исключительно русскими. Легенда же определенно указывает на то, что в прошлом здесь жили вепсы, что находится в полном соответствии с другими данными³. Вероятно, в то время, к которому относится возникновение легенды о Гиме и Гаке, патриархально-родовые отношения у вепсов находились в стадии разложения, заменяясь отношениями иного порядка: возникали территориальная община и большая патриархальная семья, дожившие — в новых условиях — до начала XX века. В это же время сложилась, возможно, у вепсов и патронимия.

М. В. Витов связывает патронимию с выделяемым им на Европейском Севере СССР гнездовым типом расселения⁴, который представляет собою исторически сложившуюся группу небольших поселений — деревень, тяготеющих к одному центру — погосту. В позднейшее время — с ростом населения — «гнездо» складывалось в более компактный комплекс, так что часто такую группу деревень легко можно принять за единое большое поселение. Однако обычно выясняется, что это большое поселение состоит из нескольких сросшихся мелких деревень. У прионежских вепсов мы по большей части и встречаемся с этим последним типом расселения — сросшимся гнездовым Рыбрека, Шокша, Матвеева Сельга, Шелтозеро), где каждое гнездо состоит из слившихся воедино мелких деревень (пагаст).

В настоящее время невозможно проследить связь патронимии с таким «гнездом» поселений. Все наши информаторы-вепсы решительно отвергали предположение о существовании родственных связей патронимического характера, которые бы распространялись на население всего «гнезда» в целом: границы «гнезда» совпадают не с границами патронимии, а с границами поземельной, территориальной общины.

Другое дело — входящие в состав «гнезда» деревни, которые бывают у вепсов довольно большими (обычно 10—20 дворов). Границы такой деревни, как правило,

³ Например, с данными топонимики; см. статью Н. И. Богданова «К истории вепсов», «Изв. Карело-финского филиала АН СССР», 1951, № 2.

⁴ М. В. Витов, О классификации поселений, «Сов. этнография», 1953, № 3; Его же, Гнездовой тип расселения на русском Севере, «Сов. этнография», 1955, № 2.

совпадают с границами существовавших в прошлом родственных коллективов, сохранявших до недавнего времени черты, свойственные патронимии. Во-первых, они и до сих пор населены по большей части однофамильцами (например, Ишанины в деревне Ишаниной, входящей в «гнездо» Вехручей); во-вторых, по сообщениям наиболее пожилых информаторов, лет 50—60 назад браки между жителями этих деревень были невозможны, так как жители считались родственниками; в-третьих, при разделах больших семей члены выделявшихся из их состава малых семей старались строить свои дома рядом, в той же деревне, для чего испрашивалось разрешение схода; наконец, в-четвертых, в некоторых случаях на погостском кладбище (коумжом) умерших членов одной деревни старались хоронить в определенном месте.

Гораздо лучше сохранились у современных вепсов воспоминания о большой семье. Многие наши информаторы сами являлись раньше членами больших семей и могли с подробностями рассказать о структуре, хозяйстве, внутренних взаимоотношениях в большой семье. Во главе ее стояли хозяин — большак (йжанд) и хозяйка — большуха (эмаг). Власть йжанда была раньше почти неограниченной. Он распределял членов семьи по работам, отправлял на отхожие промыслы (все заработанное отдавалось йжанду). Процесс разложения больших семей у вепсов — частые их разделы — начался, по-видимому, со второй половины XIX века. Впрочем, по другим данным, отдельные большие семьи дожили до 20-х гг. нашего века. С одной стороны, наличие подсечно-огневого земледелия способствовало консервации больших семей: работы, связанные с подсекой, чрезвычайно трудоемки, и справиться с ними может только значительный коллектив людей. Однако, с другой стороны, постепенное значение земледелия вообще (и в особенности подсечного) стало падать; напротив, стало возрастать значение отхожих промыслов⁵ в хозяйстве большой семьи. Связь с капиталистически развитыми районами становилась более тесной. В самой вепсской деревне складывались буржуазные отношения. Работавшие по найму мужчины-вепсы возвращались домой с заработанными деньгами, затронутые влиянием капиталистического общества, у них зрело недовольство властью хозяина-йжанда. Все это вело к частым разделам больших семей. Все же большая семья у вепсов сохранялась дольше, чем у русского населения соседних районов (Ладва — Таржеполь).

У старшего поколения вепсов еще существуют остатки древних дохристианских верований: вера в домового хозяина (перть йжанд), банного хозяина (кильбет йжанд), лесовика (мёццине) и некоторых других; эти существа якобы живут семьями, у них есть жены, дети.

Существовала у вепсов и поземельная община, отличавшаяся некоторыми своеобразными чертами: общинное владение землей и частное землепользование; отсутствие общих переделов земли при частичных переделах; отсутствие круговой поруки; свободный уход членов общины на заработки. Сходы (суймы) собирались не чаще одного раза в год. На сходах избирались десятские, сборщики налогов и писарь (староста назначался волостным правлением), раскладывались налоги, выделялись участки для постройки домов, решались вопросы о ремонте церкви и т. п. Впрочем, хотя участки земли и наследовались и не подвергались периодическим переделам, все же власть общины была достаточной для того, чтобы не позволить некоторым крестьянам выделиться из общины на хутора в период столыпинской реформы.

* * *

Жилище прионежских вепсов — деревянная изба (перть), рубленая большею частью «в лапу», на высоком подклете, а часто и двухэтажная, с двускатной крышей (нередко с «мезонином»), покрытой дранью, трехраздельного плана: сени (пёртегед сёнцад) — изба — горница (гёрниц), или сени — изба — чистая изба. Положение печи (пячь) — «боковое» (т. е. устье печи повернуто в сторону боковой стены, а самая печь находится ближе к противоположной стене, или устье печи направлено в сторону той боковой стены, к которой печь стоит ближе). Стол (стóла) помещается в «красном углу» (суурь чўга) или у фасадной стены перпендикулярно ей. Снаружи дом часто украшен пропиловочной резьбой: наличники (наличникад), конек, балясины (балясин), мезонин (волдарий) и т. д. Орнамент ромбический (наиболее распространенный), стилизованный животный, очень редко антропоморфный.

Под одной крышей с домом, примыкая к нему сзади и как бы составляя с ним одно целое (однорядная связь), находится двор (тáнназ), также рубленный обычно «в лапу». В него ведут три входа: из сеней — дверь, снаружи — ворота в нижнюю его часть и «взъезд» с воротами в верхнюю часть двора — своеобразный чердак (вышк), образованный насланными на высоте около трех метров жердями, где обыкновенно хранят сено. Дом с двором стоит на приусадебном участке, обнесенном косым плетнем или изгородью, в конце которого часто расположена баня (кильбет) — небольшой сруб с печью-каменкой (кнбудук) и вмазанным в нее котлом (кáттил).

Лет 50 тому назад вепсы располагали весьма примитивными средствами передвижения. Колесных повозок не было почти ни у кого, состояние дорог было скверное, поэтому колесные повозки были мало пригодны. Чтобы перевезти какую-нибудь

⁵ Ср. «Вестник Олонецкого губернского земства», Петрозаводск, 1909, № 12, стр. 13.

кладь, пользовались волокушей (ретхудед), в которую запрягали лошадь (хёбо). Основные перевозки происходили в зимнее время, после установления санного пути. Сани у вепсов — двух типов: легкие санки (кёрдейне) для поездок без большого груза и дровни — специально грузовые сани (рёги). Можно отметить, что, по обычаю, для свадебного поезда употреблялись легкие санки, а для похорон — дровни.

До сих пор кое-где сохранились специфически северное средство передвижения — самодельные березовые лыжи (сускад). Расселение вепсов в основном у воды обусловило довольно широкое применение в быту различных размеров лодок (вёнех) своеобразного онежского типа (с приподнятыми кормой и носом), а также челноков (рухдь), и теперь применяемых вепсами для рыбной ловли на мелких внутренних озерах.

В настоящее время в связи с дорожным строительством вошли в быт колесные повозки (тёлер); ретхудед можно встретить лишь где-нибудь на задворках; лыжи употребляются по большей части фабричного производства. Налажено автобусное сообщение между Петрозаводском и Вознесенем.

Большое место в быту вепсов занимают предметы, изготовленные из бересты (то́хи), дерева (пүү), корневич (дьюред) и пр. Особенно разнообразны изделия из бересты: солонки (солонк), пороховницы, табакерки, туеса, заглечные кошель (ка́ш-шаль), пастушьи рожки (лутт), корзины (бу́рак), лапти (вирзуд), сплетенные в семь концов, и т. п.⁶ Обычно берестяные предметы не орнаментированы; исключение составляют, по-видимому, лишь туеса, покрытые иногда с внешней стороны очень простым геометрическим или линейным орнаментом. В настоящее время искусство изготовления изысканных берестяных изделий почти совершенно утрачено. Между тем следовало бы приложить усилия к его возобновлению, создать художественно-производственную артель. Можно не сомневаться, что изделия такой артели находили бы широкий сбыт.

Разнообразны и бытовые предметы из дерева: плошки, солонки, мутовки (хёркин), ложки (лүзикад), прялки (ко́жель), веретена (вёртин). Резной орнамент встречается лишь на прялках и веретенах. Роспись чаще можно увидеть на ложках, прялках, сундуках (сүндугад), посудных шкафчиках (шкапад). Орнамент геометрический и стилизованный растительный. Прежде существовал обычай, согласно которому молодой человек должен был сам сделать и подарить своей невесте прялку и веретено, которые он украшал резьбой или росписью.

Из дерева же изготовлялись ткацкие станы (ка́нгаз), которые еще и теперь имеются почти в каждом хозяйстве. У вепсов распространен горизонтальный стан. В прошлом ткани домашнего изготовления — льняные, суконные, а также полусуконные (основа — льняная, уток — шерстяной) были единственным материалом для изготовления одежды (сбоад), рушников (кязипайк), скатертей (пюхкин) и т. п., но уже в середине XIX в. дешевая фабричная мануфактура стала вытеснять дмотканину. Теперь на станах изредка ткут лишь комнатные дорожки — половики (половйкад).

В материальной культуре вепсов нет резких отличий от окружающего русского населения (нескоден в основном орнамент вепсов и русских). Это объясняется, по-видимому, тем, что вепсы и соседние с ними русские живут в условиях одинаковой географической среды, имеют один и тот же тип хозяйства, что не могло не отразиться на выработке сходных черт культуры; нельзя, конечно, игнорировать и культурные взаимовлияния в течение многих столетий.

Впрочем, если взять одежду вепсов, то здесь картина будет несколько иной. Основные элементы женской одежды — рубаха (пайд), юбка (дюбок) и кофта (кофт); таким образом, этот комплекс отличается от «сарафанного комплекса», распространенного в более северных районах Карельской АССР. Женская рубаха (рйядцин) состоит из становика-подола (становиц), сшитого из четырех полотнищ, и верхней части — лифа, иногда с воротом (ринд), с короткими или длинными рукавами (хйямад), в сборку (сборк), с ластовицами (ластовиц); верхнюю часть шили из покупного материала, чаще из ситца. Поверх рубахи надевали коленикоровую юбку (юпк, дюбок), сшитую из четырех-пяти полотнищ, и казачок (казакк) — род. кофты; сшитой в талию, с длинными рукавами. Юбка и казачок бывали, как правило, очень ярких цветов, непременно разных; сзади у пояса завязывали огромный бант из яркой ленты. Девушки покрывали голову платком (пайк), а замужние женщины под платком носили еще повойник (сёркок). Своеобразны женские головные уборы соседнего русского района Ладвы — Таржеполя: здесь прежде носили высокий кокошник из парчи с жемчугом и бисером, о бытовании которого у вепсов нет никаких сведений. На работу надевали дмотканые юбки, сшитые из трех-четырех полотнищ, а на грязные работы — дерюжные или так называемые «одеальные» юбки. Распространены также передники (пёрдник). Можно сказать, что район расселения вепсов с непосредственно примыкающим районом верховья Свири представляет собою «юбочный» островок среди окружающего его «сарафанного» моря. Впрочем, термин «сарафан» у вепсов известен, но одежды, обозначавшейся этим термином, нигде найти не удалось — она уже совершенно исчезла. По рассказам же наиболее пожилых из наших информаторов, вепсский «сарафан» ничего общего с русским сарафаном не имеет: это та же юбка. Традиционная одежда у молодых вепсских женщин уже вышла из употребления. Рубаху, длинную юбку, казачок можно найти теперь лишь в сундуках старух.

⁶ Ср. «Финноугроведение», Л., 1931, № 1.

Зимнюю одежду составляли кафтан (кóухтан) из домашнего сукна, сшитый в талию, и овчинная шуба (пёу).

Мужской костюм составляли белая нижняя рубаша (пáнд) туникообразного покроя, с ластовицами другого цвета, сшитая из домашней льняной ткани; льняные порты (кáддят); верхняя рубаша и порты из крашеной домотканный или пестряди. Головные уборы были покупные: картузы, шляпы (шляппь), треухи; лишь изредка, как говорят, раньше можно было встретить меховые шапки (шáпк кóройдене) местного изготовления, но каков был их покрой, выяснить не удалось.

Большой интерес представляет обувь вепсов. Район расселения вепсов — один из немногих на Севере, где были в употреблении лапти, плетенные из бересты, тогда как в большинстве районов Севера была издавна распространена кожаная обувь. Впрочем, у вепсов лапти употреблялись по большей части в качестве рабочей обуви, в особенности во время сенокоса на болотистых лесных полях. Обычно они также ходили в кожаной обуви. Сами вепсы утверждают, что женская обувь за последние 50—70 лет в основном была покупной. Это были ботинки с высокой шнуровкой, на небольшом каблучке, преимущественно фабричного производства. Наряду с этим выделялась и местная женская обувь, по-видимому, мокасинаобразного типа — чуни⁷. Мужские сапоги домашнего пошива предпочитали покупным. Их шили на прямой колодке, т. е. оба сапога одинаковыми, без разделения на правый и левый. Эта особенность также является специфической для прионежских вепсов и не прослеживается в смежных русских районах, например, в районе Ладва — Таржеполь.

Сейчас эти виды обуви уже вышли из употребления. Лаптей и чуней не носят; сапожные сапоги можно увидеть только у стариков. Теперь носят исключительно обувь фабричного производства, в том числе валяную обувь, которая раньше у вепсов была мало распространена.

* * *

Фольклор вепсов (как можно судить по собранным участниками нашей экспедиции материалам) разнообразен и довольно богат. Правда, вепсы — один из немногих прибалтийско-финских народов, среди которых не распространен эпос типа рун «Калевалы». Среди них никто и никогда в ответ на наши настойчивые расспросы не сказал, что слышал что-нибудь о Вяйнямйнене, Илмаринене, Еукайханене, Куллерво или о каком-нибудь другом герое этого широко распространенного в Прибалтике эпоса. Если вепсы не знают и, по-видимому, не знали в прошлом рун «Калевалы», то и «Калевала» не знает вепсов, хотя она отлично знает эстов, русских и некоторые другие народы.

С другой стороны, вепсы не знают и русских былин, а если и слышали о богатырях, то только по радио или читали о них в книгах. Былины, даже записанные на севере, также не знают вепсов, или весь, они знают лишь «чудь белоглазую»⁸, отождествлять которую с древними вепсами пока еще рискованно, хотя некоторые основания для этого имеются. Не предвещая вопроса о причинах отсутствия у вепсов эпоса, заметим, что эта черта, по-видимому, отделяет их от других прибалтийско-финских народов, сближая с коми и, может быть, с волжскими финнами.

Впрочем, зачатки героического эпоса имеются и у вепсов. Мы имеем здесь в виду широко бытовавшие в прошлом в районе расселения вепсов (отчасти сохранившиеся и теперь) легенды о «чуди», которые можно считать этногенетическими преданиями. Эти легенды согласно указывают на имевшие место в древности передвижения чуди в результате военных поражений при столкновениях с новгородцами, в частности на территории современных Каргопольского района Архангельской области и Пудожского района Карельской АССР.

В легендах о чуди имена героев уже не сохранились; в них речь идет о народе в целом. Однако в прошлом в них называлось, например, имя чудского военачальника Аминта⁹.

Имеется у вепсов и легенда, в которой содержится попытка дать объяснение, почему прионежские вепсы живут оторванно от ленинградских. Согласно легенде, вепсы прежде жили по обоим берегам Свири компактным массивом; однако, находясь в составе русского государства, они не хотели служить в русской армии, скрывая рекрутов в лесах; за это будто бы Петр I, проезжая однажды с войском по Свири (отголосок событий 1702 года), приказал переселить вепсов на 30 верст в обе стороны от этой реки, что якобы и было выполнено. Едва ли можно думать, что это было действительно так; однако указание легенды на прежнее компактное расселение вепсов по обоим берегам Свири заслуживает внимания и находит себе подтверждение и в других источниках.

⁷ Любопытен самый термин; южнее и восточнее от Онежского озера этим словом обозначают вид лаптей (см. В. И. Даль, Толковый словарь, М., 1955, т. IV, стр. 615).

⁸ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М., 1938, № 21.

⁹ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под редакцией В. П. Семенова, т. III, СПб., 1900, стр. 106.

Значительное развитие получила у вепсов культура песни. В некоторых вепских песнях (пáя) отражены местная природа, занятия народа. Приведем образец такой песни (в переводе на русский):

Вепсская земля — на берегу озера,	За нивами идут поля,
На берегу озера — покосы,	На полях растет пшеница и ячмень.
На нивах пастух пасет коров,	

Песен у вепсов много, и они разнообразны по жанрам: лирические, свадебные, шуточные, трудовые. Очень задушевные и трогательны свадебные причитания невесты (нёвест). Эти причитания в старину исполнялись и по-вепски, и по-русски. Ниже мы даем русский перевод свадебной причеты, исполненной по-вепски:

Дорогие мои родители,	Дорогие мои подруженьки,
Не было вам жаль отдать за чужанина,	Расплетайте мои девичьи косы,
Сокрушили навек мое счастье,	Отпустите мою девичью волю,
Отдали за немилого.	Возьмите себе мои красные ленточки.

Традиционная вепсская песня рисует тяжелую жизнь вепсской семьи в царской России:

Приходила в избу сватушка,	Не жили мы так и не видели,
Сваха сватала да хвастала:	А пожили, так поотведали:
«Как у нашего у молодца	Горькой редькой поле сеяно,
Изюмом да поле сеяно,	Горькими слезами поливано.
Сахарной водой поливано».	(Исполнено по-русски)

Многие из песен оригинальны и поются на вепском языке. Иные, действительно, являются лишь переводом с русского; например, большую популярность приобрела песня «Потеряла я колечко», которую пели и по-вепски, и по-русски. Значительное количество русских песен, в особенности с начала нашего столетия, перенято вепсами, что производит на некоторых ошибочное впечатление чуть ли не полного вытеснения местного фольклора русским. Следует отметить в этой связи, что даже русские песни вепсы поют на свой манер: в мелодиях одних и тех же русских песен имеются различия при исполнении их прионежскими вепсами и русским населением района Ладвы — Таржеполя.

Есть у вепсов и сказки (старинад): волшебные, бытовые, сатирические, о животных. Своеобразны пословицы (например: «С остря уйдешь, — с обуха тем более»), загадки (например: «Из одной квашни — неодинаковый хлеб. — Яйцо»; «Черный да сладкий. — Печеная репа»).

Среди вепсов имеются великолепные песельники (пáяникад), сказочники (сáрной-дек сáнуй).

Учитывая отсутствие письменных источников по истории вепсов, следует особенно тщательно исследовать данные вепского фольклора¹⁰ как источника познания исторической обстановки, быта, нравов и культуры народа на протяжении веков.

Современный вепский фольклор представлен в первую очередь частушками; они очень распространены. Особенно популярны частушки сатирического содержания о лодырях, рвачах, пьяницах и пр. Широко распространены песни советских авторов.

Вепских танцев не сохранилось. Вепсы раньше танцевали кадрили (в четыре и шесть фигур), «блáнцы»; теперь вошли в быт те же танцы, что и у горожан.

Родильные, свадебные, похоронные и другие обычаи и обряды, а также верования вепсов во всем — до мелочей — совпадают с русскими, распространенными в районах, смежных с территорией расселения вепсов. Это может быть следствием прямого контакта вепсов с русским населением; но может оказаться, что русские этих смежных районов — обрусевшие вепсы, сохранившие, несмотря на языковую ассимиляцию, свои верования, обычаи и обряды.

Вепсы в подавляющем большинстве двуязычны. Сейчас уже невозможно найти вепса, который не знал бы русского языка. Родным языком вепсы пользуются только в быту, дома, называя его «карманным». Даже на собраниях ораторы говорят большей частью по-русски. Русское языковое влияние особенно сильно проявляется в области лексики, но распространяясь на область морфологии¹¹.

Следует отметить, что переходу на русский язык очень способствуют браки вепсов с русскими, которые стали теперь обычным явлением.

¹⁰ Не считая сбор вепского фольклорного материала прямой обязанностью этнографов, мы не уделили этому достаточного внимания, о чем теперь крайне сожалеем, особенно ввиду того, что фольклористы Карельской АССР совершенно не занимаются фольклором вепсов.

¹¹ См. Н. И. Богданов, Вепский язык на данном этапе его развития. Тезисы доклада, прочитанного на научной сессии Карело-Финского филиала АН СССР в апреле 1955 года.